

— Bonjour, Одея... Нѣтъ, я не сплю. Слава Богу, что черезъ полчаса.

Она ушла въ уборную освѣжить лицо холодной водой. Минутъ пять употребила она на туалетъ, но Оедоръ Игнатьичъ успѣлъ за это время соскучиться по ней.

— Послушай, Раиса,—улыбаясь, сказалъ онъ, когда она вернулась:—je suis amoureux de toi... я не знаю, до чего!

XX.

Станція осталась позади. На козлахъ помѣстилась рядомъ съ вучеромъ горничная. Въ тарантасѣ сидѣли новобрачные. Лошади бодро бѣжали, потряхивая сбруей, мѣстами связанной бичевками. По обѣимъ сторонамъ тянулись голыя поля, вдаль синѣлъ лѣсокъ.

— Наши земли,—сказалъ Оедоръ Игнатьичъ.

— Наши?—повторила Раиса и засмѣялась. Ей было пріятно слышать это слово.

Но Оедоръ Игнатьичъ былъ пасмуренъ. Когда онъ вышелъ на послѣдней станціи и проводилъ жену въ дамскую комнату, а самъ отправился получать багажъ, онъ снова увидѣлъ вагонъ съ тюремными рѣшетками, хранившій, какъ и вчера, зловѣщее молчаніе. Сердце его сжалось при мысли, что онъ въ теченіе цѣлой ночи ни разу не вспомнилъ объ этомъ вагонѣ. „Да мнѣ вовсе не обязательно вспоминать!—оправдывался онъ:—некогда мнѣ думать о другихъ. У меня свое огромное счастье и огромная забота!“ Онъ нетвердымъ шагомъ прошелъ по платформѣ, поспѣлъ артельщика къ тарантасу съ вещами и не хотѣлъ глядѣть больше на зловѣщій вагонъ; потомъ взялъ подъ руку жену и посадилъ въ тарантасъ. Теперь его преслѣдовала мысль, что онъ такъ холодно поступилъ. Но чтѣ же было сдѣлать? „Ничего отъ тебя никто и не требовалъ,—говорилъ онъ себѣ,—не надо было только злиться. Разсердившись на чужое несчастье, ты поступилъ цинично!“ Онъ сидѣлъ и все копался въ душѣ своей. Онъ заговаривалъ съ женой, но вплоть до самой Буды бесѣда шла вяло, и онъ поминутно умолкалъ и задумывался.

Деревня Буда пріютилась на днѣ глубокаго оврага. Ее вдругъ видишь, когда уже въѣзжаешь въ околицу. Вся она въ сѣдой зелени ивъ; хаты бѣлѣютъ, беспорядочно разбросанныя по откосамъ. Церковь съ зеленымъ куполомъ и золотымъ крестомъ стоитъ по срединѣ селенія. А барская усадьба сейчасъ направо, на